

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПТОВ СМУТЫ И РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

П.П. Марченя

Столетний юбилей событий, которые теперь в отечественной исторической науке фактически официально рекомендовано именовать не иначе как «Великой российской революцией 1917–1922 гг.» (несмотря на ожесточенные споры историков, многие из которых считают такую формулировку совершенно неприемлемой)¹, актуализировал, в том числе, и старую проблему соотношения терминов «смута» и «революция».

Злободневности этой теме не могут не добавлять и многочисленные – «оранжевые», «тюльпановые», «розовые», «гвоздичные», «васильковые», «жасминовые», «лотосовые», «кедровые», «дынные», «зонтичные», «бархатные», «бульдозерные»... – и всякие прочие «цветные» и «нецветные» революции современности². Особенно болезненными для российского национального самосознания и пытающегося его выразить отечественного социогуманитарного знания оказываются известные события в пространстве «Русского мира» – и прежде всего, разумеется, на Украине и в Беларуси.

По проблеме идентификации и классификации этих последних событий: то ли как якобы «закономерных», «освободительных» процессов, то ли как промежуточных результатов воздействий агрессивных технологий гибридных войн (явные попытки применения которых отмечаются, увы, и внутри самой России)³ – оказалось расколотым и наше экспертное сообщество⁴.

Представляется очевидным, что выбор того или иного варианта решения этой проблемы относится в решающей степени к сфере цивилизационной идентичности самих экспертов, однако в рамках настоящей краткой статьи, отнюдь не претендующей на полноту ни типологического, ни историографического охвата, речь пойдет лишь о некоторых нюансах из области терминологии

гии современного отечественного обществоведения и социогуманитарного знания в целом, важных при анализе и оценке системных кризисов/смут/революций в истории России – и, конечно, не только России.

Однако принципиальное значение поставленная здесь проблема – проблема соотношения понятий «Смута» и «Революция» (которые зачастую используются нашими историками, философами, политологами, политиками, публицистами, литераторами и пр. и пр. – и как синонимы, и как антиподы, и в самых неоднозначных коннотативных сочетаниях) имеет именно в отечественном (или, по крайней мере, русскоязычном) дискурсе. Ведь в претендующем на глобальное доминирование англоязычном обществоведческом тезаурусе просто отсутствует термин, хотя бы сколько-нибудь адекватный русскому/славянскому слову «Смута».

Более того, вряд ли есть разумные основания игнорировать выводы целого ряда российских исследователей проблемного поля активно развивающегося в последнее время «смутоведения»⁵ (предметом которого и является, прежде всего, Смута «как проблема отечественной истории»⁶), полагающих, что термин «Смута» не только этимологически, но и онтологически имманентен именно российской цивилизации и циклам функционирования ее имперской политической и культурной системы (тех, кто захочет ознакомиться с этим вопросом подробнее, отсылаю, в частности, к главе «Россия как империя и смута как расстройство ее цивилизационной идентичности» коллективной монографии «Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии»⁷).

Приведем здесь лишь несколько ярких историографических примеров.

Так, А.И. Фурсов в знаковой для поставленной нами проблемы статье «Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего» высказывает методологически важное для нас положение, что, если «в качестве метафоры образ “смута” может применяться далеко за пределами русской истории – как некое “time of trouble” в США 70-х годов, в Китае XVII в. или в Древнем Египте эпохи переходных периодов», то «в научном плане,

т.е. в качестве понятия “смута” есть термин, отражающий совершенно определенную русскую ситуацию»⁸.

А.Ю. Дворниченко в своей программной статье «Смута как фактор российской истории» приходит к выводу, что к «переломным периодам русской истории», в том числе и к так называемой «Великой российской революции», применим исключительно термин «Смута», но никак не «революция» (а «пришедшее с Запада слово “революция” только затемняет суть исторического процесса»⁹ – и российской исторической науке и общественному сознанию давно необходимо совершить наконец «прощание с революцией», которому автор и посвятил одноименную монографию¹⁰).

В.В. Аверьянов в книге «Империя и воля. Догнать самих себя» подчеркивает: «Модель “Смутного времени” представляется... более точным и эвристически ценным, чем модель “революции”. Переход от понятия “революции” к понятиям “мутации” или “смутные времена” позволяет, на мой взгляд, более адекватно описывать как уже произошедшие, так и происходящие в настоящее время и предполагаемые в будущем исторические и культурные процессы»¹¹ (причем этот автор последовательно развивает свою «смутологическую» концепцию истории России еще с 1990-х гг., начиная с блестящей статьи «Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского?»¹²).

А С.Н. Земляной еще в 2001 г. в глубоком аналитическом обзоре «смутологии» рубежа прошлого и нынешнего веков «Куда идешь? О Смуте как парадигме консервативного мышления» (для «Независимой газеты») сформулировал тему отечественной антиномичности «смуты» и «революции» следующим образом: «... Сейчас в России подлинным консерватором является тот, кто мыслит ее настоящее по модели Смуты; и, наоборот, подделен тот консерватор, который выдает эту Смуту, например, за революцию – олигархическую, криминальную и любую другую. Он не консерватор, а бонапартист»¹³.

М.В. Ремизов в аналитических заметках «Русского журнала», так и озаглавленных – «“Смута” или “революция”?» – высказывается по этой же проблеме: «Революция – акт отрицания власти и тех принципов легитимации, на которых она покоится. Чтобы быть действенным, революционное отрицание само об-

речено становиться властью и нащупывать новые принципы легитимации. Смута, если иметь в виду ее архетипическое проявление в 17-м веке, – это осуществляемый в броуновском движении общественный *поиск* власти. Искать что-либо значит поверять все подручное заведомым эталоном. В данном случае – внутренним принципом легитимности, который, при благополучном разрешении смуты, не переворачивается, не революционизируется, но по-новому *удостоверяется*¹⁴...

Отметим также, что тема соотношения смут и революций привлекает пристальный и пристрастный интерес не только историков-философов-россиеведов и прочих академических гуманитариев, но даже, например, юристов-практиков с самых вершин государственной власти.

Так, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в специальной статье для «Российской газеты» излагает свое видение принципиальной разницы между «Смутой» и «Революцией»: «... Первое отличие революционера от смутьяна – это наличие позитивного идеала. Причем идеала, отвечающего глубоким народным чаяниям, созвучного новым историческим тенденциям и глубочайшим образом проработанного»; «Если смута – это хаос, то в ней морали нет. У нее нет морального ядра. У нее нет морального содержания. Она основана на лжи. И рождает ложь. Этим она отличается от подлинных революций, которые я отказываюсь восхвалять, но в которых моральное позитивное содержание присутствует»¹⁵.

Любопытная дискуссия о причинах и смысле системных кризисов/смут/революций в российской истории состоялась недавно (2019 г.) в Казани, в Институте истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, где обсуждались методологически и практически важные вопросы о сущности российской Смуты¹⁶. Но, пожалуй, из знаковых дискуссий по поставленной проблеме, получивших наиболее заметный резонанс в современном отечественном социогуманитарном знании, особо стоит отметить дебаты Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» (Институт социологии РАН, 2010 г.), в ходе которых целый ряд ученых (начиная с ведущего этого Стола В.П. Булдакова, имеющего репутацию одного из главных «смутоведов» России) обменялись своими

мнениями, в том числе, и по вопросу о соотношении «Смуты» и «Революции» в методолого-категориальном ключе.

Приведем для примера лишь несколько реплик.

Сам В.П. Булдаков на этом Столе отметил: «Что касается собственно смуты, то ее можно понимать как метафору, отражающую тотальное непонимание происходящего, включая испуг перед содеянным»¹⁷; «Мы забываем, что понятие революции использовалось по преимуществу политиками и теоретиками, а образ смуты – писателями и художниками, которые опирались на бытовые народные представления о происходящем. Они фактически говорили на разных языках, причем первый грешил умозрительностью, второй – приземленностью. Логическое отличие смуты от революции может быть лишь в том, что в ней гипертрофирован эмоциональный момент, а модернизационный компонент либо приглушен, либо постепенно сходит на нет. В известном смысле это отражало новое и старое представления об истории, связанные с эпохой Просвещения. Между тем, смута – это заведомо архаичное явление. Революция, напротив, связывается с эпохой модерна»; «Строго говоря, революция – это просто переворот, а смута – это, прежде всего, отсутствие привычного порядка, создающее впечатление хаоса»; «Конечно, смута – это, прежде всего, образ, метафора. Но эта метафора несет в себе важное познавательное содержание. Строго говоря, “принципиальное” отличие ее от революции (имеется в виду идеальный тип) только одно – это гипертрофированность эмоционального в ущерб рациональному. Это естественно и закономерно в связи с господством в российских массах традиционного, синкретичного типа сознания. В смуте людьми движет уже не разум, а инстинкт, не программы, а утопии»¹⁸.

А.А. Ильюхов высказался в том смысле, что «Смута – это нечто стихийное, спонтанное. Революция – нечто более осознанное»¹⁹.

В.Д. Соловей самоопределился, что он «не сторонник поиска за термином “смута” специфически российского содержания» и не видит принципиальной разницы «между смутой и революцией, смутой и крестьянской войной, смутой и бунтом», считая, что все три известных смуты в нашей истории

являются революциями (просто, по его мнению, Смута XVII в. – это революция, которая «не победила», а Смута конца XX в. – революция, которая «не завершилась»)»²⁰.

Б.Ф. Славин признался, что ему тоже «ближе понятие “революция”», а «смута», по его мнению, «это всего лишь образ. Образ, который создается властью, когда она теряет свое господство»²¹.

И.А. Анфертьев констатировал: «Одно и то же социально-политическое явление в истории России одни исследователи называют смутой, другие – революцией. На мой взгляд, судить нужно по их конкретным социально-экономическим последствиям для страны. Я считаю, что революция уничтожает препятствия на пути прогресса, кардинальным образом изменяет всю жизнь общества. При этом прежние государственные и общественные институты ликвидируются навсегда. А в результате смуты социально-политический строй сохраняется, государственные институты остаются»²².

Автор настоящей статьи тогда также предложил к обсуждению некоторые тезисы о нетождественности революций и смут, в том числе: «Смуты, на мой взгляд, бывают только в империях. Революции могут происходить в любых государствах. Во-первых, “смута” – это категория, которая предполагает наличие имперского формата. Во-вторых, смута может закончиться революцией, а может – и нет. В этом смысле Смута XVII в. не закончилась революцией. Чисто теоретически мы можем представить революцию и без смуты. Но только не в России»... Природа Смуты отлична от революции: «С точки зрения социологического функционализма, смута – это стихийный процесс бегства от дисфункции власти к эвфункции власти. То есть, грубо говоря, от власти, которая стала или кажется “чужой”, к власти, которая признается народом “своей”. Можно рассматривать этот вопрос с точки зрения органического подхода. Получится, что смута – это иммунная реакция сложноорганизованного имперского организма. Это – многофакторный, болезненный, мучительный процесс отторжения чужеродных элементов (временщиков, самозванцев, всех тех наносных вестернизированных декораций, которые искусственно имплантируются прозападной элитой). Процесс избавления от “чужого” и возвра-

щения к собственным культурным смыслам, к родной, патерналистской власти – это и есть смута с точки зрения органического подхода. Ну а с точки зрения макроистории или метаистории – это процесс, который развивается по логике: от империи, потерявшей право называться с заглавной буквы, к империи, которая вновь претендует на то, чтобы ее писали с большой буквы»²³ ...

Пожалуй, даже уже приведенных мнений (отнюдь не исчерпывающих всего их спектра) вполне достаточно, чтобы убедиться, по крайней мере, в реальной теоретической и практической значимости принципиального «разведения» терминов «смута» и «революция» в российском социогуманитарном знании «в контексте современного руссиеведения»²⁴.

Библиография

---

¹ *Марченя П.П.* По итогам столетия событий 1917 года: к вопросу о «новом» термине «Великая российская революция» // *Философские исследования и современность*: Вып. 7. М., 2018. С. 79–86 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/2018_7_79-86.pdf).

² *Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности.* М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/4.100.pdf>.

³ *Митин А.В.* Россия и гибридные войны современности // *Философские исследования и современность*: Вып. 9. М., 2020. С. 95–105.

⁴ *Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России* // *Философские исследования и современность*: Вып. 9. М., 2020. С. 191–230.

⁵ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» руссиеведения: От империи к смуте, от смуты к...? // *Россия и современный мир.* 2010. № 4. С. 48–65 (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf>).

⁶ *Марченя П.П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // *История в подробностях.* 2010. № 5. С. 86–91 (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/smuta.pdf>).

⁷ *Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии.* М., 2018. С. 54–112 (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/Civ-2018.pdf>).

⁸ *Фурсов А.И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего: 1-я часть // *Обозреватель–Observer.* 2012. № 3. С. 29 (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/furs1.pdf>).

⁹ *Дворниченко А.Ю.* Смута как фактор российской истории // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.301.

¹⁰ *Дворниченко А.Ю.* Прощание с революцией. М., 2018.

---

¹¹ *Аверьянов В.В.* Империя и воля. Догнать самих себя. М., 2014. URL: https://kartaslov.ru/книги/Виталий_Аверьянов_Империя_и_воля_Догнать_са_мих_себя/2#п_1.

¹² *Аверьянов В.В.* Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 95–103 (URL: <http://averianov.net/img/fenomen.pdf>).

¹³ *Земляной С.* Куда идешь? О Смуте как парадигме консервативного мышления // *НГ*. 2001. 22 июня. URL: https://www.ng.ru/ideas/2001-06-22/8_where.html?id_user=Y.

¹⁴ *Ремизов М.* «Смута» или «революция»? // *РЖ*. 2002. 9 сентября. URL: <http://old.russ.ru/politics/20020909-rem-pr.html>.

¹⁵ *Зорькин В.* В хаосе нет морали // *РГ*. 2012. № 285 (5958). 10 декабря. URL: <https://rg.ru/2012/12/10/zorkin-site.html>.

¹⁶ Материалы круглого стола «Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.)» // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2020. Т. 1. № 10. С. 133–146 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/factor_crises.pdf).

¹⁷ Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // *Власть*. 2010. № 8. С. 10 (URL: https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf).

¹⁸ Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // *Власть*. 2010. № 9. С. 19–20 (URL: https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf).

¹⁹ Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // *Власть*. 2010. № 6. С. 17 (URL: https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf).

²⁰ Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 16–17 (URL: https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf).

²¹ Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // *Власть*. 2010. № 5. С. 13 (URL: https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf).

²² Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // *Власть*. 2010. № 8. С. 11. (URL: https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf).

²³ Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // *Власть*. 2010. № 7. С. 10. (URL: <https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf>).

²⁴ *История СССР/РФ в контексте современного оссиеведения*. М., 2011.